

Майя Димерли

Звезда моего Давида

*На сцене темно. В полной темноте звучит кадиш (01:05).
Потом начинает играть пластинка с записью сообщения
о смерти Д. Ойстраха. Пластинка заедает на словах (допустим):
«скончался Давид Ойстрах».*

*На сцене стоит стол, кресло, в глубине сцены рояль.
В кресле сидит человек со скрипкой.
Человек сидит неподвижно, погруженный в воспоминания. Затем
он начинает настраивать скрипку и наигрывает (возможно)
одну из еврейских мелодий, характерную, но печальную.
На звуки скрипки выходит Душа. Она подходит к человеку
и смотрит на него с любовью. Протягивает к нему руку, чтобы
прикоснуться, но что-то останавливает ее, и она с сожалением
отходит чуть в сторону. Поворачивается лицом к залу
(возможно, садится на край сцены):*

– Знаешь, я думаю, что Б-г дал человеку музыку из сострадания, чтобы тот мог спасти душу свою. Музыка исцеляет, она может абсолютно всё. Может возвысить человека из низкой доли, вызволить душу из плена, вернуть здоровье, вселить в сердце надежду. Просто позволить душе выговориться. Музыка никого не может обмануть. Она не лжет и не клеветает. Потому что ей не нужны слова...

Я все время думаю над тем, сколько всего случилось со мной, и не могу поверить в то, что такое вообще возможно. Но ведь это правда. Я даже подумываю, а не написать ли мне правдивую сказку обо всем этом? Ты вот только послушай, как она могла бы начинаться.

Эта история случилась давным-давно в одной очень маленькой и не очень богатой стране. Жил-был пастух. Он был молод, красив и силен. Больше всего на свете он любил музыку. Говорят даже, что он изобретал музыкальные инструменты, потому что именно они выпускают музыку в мир людей. Говорят даже, что именно он изобрел киннор, самую первую скрипку на Земле. И больше всех остальных инструментов он полюбил именно киннор. Когда он играл, птицы небесные прилетали послушать его б-жественную музыку, стада мирно паслись, а люди исцелялись от болезней. Его искусство было совершенным. Секрет пастуха заключался в том, что его искусными пальцами управляла душа.

За этот удивительный талант его призвали служить тамошнему царю Саулу, который до того прогневил Б-га, что был наказан приступами безумного гнева. Только игра пастуха приносила облегчение царю. Когда пастух играл на кинноре, отраднее и лучше становилось царю, и злой дух отступал от него. И тогда царь приблизил к себе пастуха. Пастух этот, хоть и был человеком честным и мирным, оказался, к тому же, непобедимым воином. Самым известным подвигом пастуха стала его победа над небывалым великаном и силачом Голиафом. Еще много раз он спасал страну, когда царь оказывался бессилён перед жестоким врагом. И в конце концов Г-сподь сделал этого пастуха царем. Он прожил долгую и славную жизнь. Не было в мире человека более преданного Б-гу. Все он делал во славу Г-спода своего. И они говорили друг с другом. Это и не удивительно. Времена были такие, библейские. И что бы ни делал пастух, ставший царем, все ему удавалось. Это вовсе не значит, что тяжкие испытания не выпадали на его долю. Это не значит, что он был без греха. Но все же за его любовь к музыке, за его искусство игры Г-сподь простил ему все прегрешения... Его звали Давид.

А потом, тоже давным-давно, а точнее, 6614 лет назад, Давид умер. Весь народ его и все дети его разорвали одежды свои и кричали: «Умер царь Давид!». И все они горевали о нем. И велико было их горе.

А потом, через тысячи лет, появилась совсем другая страна... В огромной стране этой были богатства многие, а Б-га не было.

И страну эту населяли многочисленные народы. И все эти народы были учтены и записаны в великий список народов-братьев. В пятой графе. Б-га в эту страну не пускали, а людей из этой страны не выпускали. И вокруг этой страны по всей границе повесили железные занавески, из-за которых нельзя было выглядывать и за которые нельзя было заглядывать.

В этой стране жил молодой человек. Он тоже мог бы стать пастухом, но так получилось, что скрипка нашла его раньше. И он любил скрипку всем сердцем и всей душой своей. И оказалось, что во всей стране нет ему равных в искусстве игры на скрипке. Его секрет заключался в том, что его искусными пальцами управляла душа. За этот талант он был призван играть перед царями и царьками, которых в стране было хоть отбавляй. Отраднее им точно становилось, а вот злой дух не отступал от них. Некуда было ему отступать. И тамошний самый главный царь, боявшийся Б-га как черт ладана, приблизил к себе этого великолепного скрипача. Хоть и был он человеком честным и мирным, оказался, к тому же, непревзойденным музыкантом. Самым известным подвигом стала его победа на конкурсе имени Изаи в Брюсселе. Еще много раз он спасал страну, когда царь оказывался бессилён перед культурным врагом. И в конце концов Г-сподь... Ах, да, Б-га в этой стране не было. Скрипач прожил не очень долгую, но все же полную славы жизнь. Не было в мире человека более преданного Музыке. Все он делал во славу ее. И они говорили друг с другом. Это и неудивительно. Времена были такие, безб-жные. И что бы ни делал скрипач для музыки, все ему удавалось. Но какие же тяжкие испытания выпали на его долю! Это не значит, что он был без греха. Но я так надеюсь, что за его любовь к музыке, за его искусство игры Г-сподь простит ему все прегрешения... Его звали Давид.

А потом, 43 года назад, умер Давид-скрипач. И что говорили люди в этой стране? Они говорили: «Вы слышали, умер Давид!». И фамилию его называли. А то, что где-то там, за железным занавесом, его прозвали царем Давидом, так это же ничего не значит. Потому что у себя на родине он был рабом.

Когда вся страна безб-жная, кем еще в ней мог быть человек со всей его великой душой? *(Говорит с иронией и горечью в голосе.)*

Знаешь, что действительно забавно? Когда они родились, никто не кричал: «Родился царь Давид!». Потому что людям не дано знать, кто рождается. Никто не рождается пастухом или царем. Но всякий человек идет путями неисповедимыми. Это б-жий промысел, не человеческий. Просто человек должен помнить, кто он. И два Давида помнили, что родились простыми людьми. Маленькими еврейскими мальчиками. Только Б-г может превратить царя в пыль, а пастуха сделать царем.

Никто только вот еще о чем до сих пор не подумал. Оба Давида не получили слов утешения и добра от тех, кто остался жить после них. Никто не читал кадиш по их душе. Кадиш сделал бы этот переход не таким страшным. Когда умер царь Давид, кадиш еще не был написан, и такой традиции не существовало. А когда умер Давид-скрипач... Даже думать об этом было нельзя. Так и осталась их душа без поддержки.

У них была одна звезда. Но я знаю, Давид-скрипач не победил своего Голиафа – этот липкий страх, этот паралич перед системой. Он не смог бы победить никакого Голиафа. Ни своего, ни чужого.

Хотя... с другой стороны, разве царь Давид смог бы победить страх Давида-скрипача? Разве праща здесь поможет? Разве камнем можно перешибить систему?

Послушай, я все хочу сказать тебе что-то очень важное. Но я не знаю, с чего начать...

Ты зовешь меня, и я прихожу. Но ты почти не говоришь со мной. Раньше меня это очень огорчало, а теперь мне это совсем не важно. Мы ведь все равно сидим здесь вместе. Можно даже помолчать. Но я вот что скажу тебе. Ты помнишь Давида, и вот это очень важно. Пока помнят моего Давида, значит, и меня помнят. Мы ведь с ним играли вместе. Он с душой, а я его пальцами прикасалась к струнам...

Вот я пришла поговорить, утешить тебя. А ведь я сама нуждаюсь в утешении. Ты думаешь, что только ты по нему скучаешь? Я тоже по нему скучаю. Поверь, намного больше, чем ты. Мне так его не хватает... Его самого и его музыки. Того, как он стоял на сцене и как держал скрипку и смычок. Его рук... Ты знаешь, я без него, как без рук. Его пальцами я могла бы прикоснуться к тебе. Его голосом говорить с тобой. И тогда ты бы услышал...

Ах, какое сладкое время было в Одессе! Лето, цветы акаций разливают в воздухе мед. Мне нравилось слушать, как трамваи бегут по рельсам, и вагоновожатый предупреждает звонком о своем движении. Как будто никто не услышит грохота трамвайных колес, если еще и звонок не зазвенит. Но как же наполняет этот звук жизнью все вокруг! Весь город. Как будто самые сладкие пчелы звенят на жарком солнце!

И вот мне целых пять лет, и мама отвела меня к самому Столярскому, и она больше всего на свете боялась, что он вынесет мне свой знаменитый приговор:

– Ах, нет, мадам, – живите спокойно...

Самый страшный приговор для одесской мамы, который означал одно – ваше дитя не гений.

Мне повезло, меня взяли в школу, и мне наконец досталась моя первая настоящая скрипка, такая маленькая, не как у взрослых – восьмушка. И я еще не настоящий человек, а только восьмушка взрослого. Но какая же эта скрипка была соблазнительная! Совершенно невозможно было не хотеть прикоснуться к ней, играть на ней. Как только я увидела ее, я тут же все вспомнила. Все, что случилось со мной. У меня так застучало в голове, что я думала, что у Давида остановится сердце. Но тогда я впервые получила надежду, что снова смогу играть на ней. Я гладила ее по лакированным сводам, водила смычком по струнам и слушала, как эфы выдыхают самые прекрасные и загадочные звуки в мире. Она совсем не была похожа на киннор, но она стала любовью с первого взгляда, она стала продолжением меня. И теперь мы росли вместе с ней, а она росла вместе со мной. Такая желанная, такая певучая... А смычок казался мне ровно причесанной и аккуратно заплетенной конской гривой. Когда один волос рвался, я представляла, что это конь вырвался на свободу, и теперь его грива свободно развеивается на ветру. Мне не хотелось сразу обрывать выбившийся волос. А как я любила запах канифоли...

Да, играл Давид, но можешь не сомневаться в том, что на самом деле играла я. Он позволял мне. Можно водить смычком по струнам сколько угодно и ни разу не сфальшивить, но люди скажут: «Ему чего-то не хватало! Играл без души». А разве музыку слушают ушами? Если скрипка становится частью души,

то ее струны становятся твоими оголенными нервами, и музыка рождается настоящая. Душа играет только для души. Ну ладно, играли мы с Давидом вместе. Но одно точно, только благодаря ему я могла играть так свободно.

Ты никогда не замечал, что люди вообще как инструменты? Вот, например, Гамлетов Полоний – как фагот. Сам толстый, ножки тонкие, крадется, оглядывается, подслушивает. Я слышу фагот. А Эйнштейн – рояль с распахнутой крышкой, хоть и играл на скрипке.

А как много среди людей расстроенных, не настроенных или просто фальшивых инструментов... К ужасу, они бывают очень энергичны и обладают невероятной способностью к самоорганизации. И когда они собираются в группы, все вокруг тонет в какофонии их энтузиазма. Больше всего на свете они обожают играть марши. Это лучшее, на что они способны. Потому что когда люди маршируют, их совесть как бы чиста. Они становятся одним целым. Когда люди маршируют, пусть талант незаметен, но и бездарность не так видна. Все становится серым, красным, коричневым... мощным. Больше не нужно думать, за вас подумают другие. Все что угодно можно сделать с легкостью. Даже убивать легко. Это как бы не они делают. Самые страшные беды от людей, которые маршируют. Во имя чего угодно.

Сколько маршей выпало на нашу долю! Первая мировая, революция, годы террора, вторая мировая... Г-споди, если бы не музыка, как вообще можно было выжить?

А Тамарочка... Дорогая, милая... что ей только пришлось пережить... какие страшные испытания выпали ей. Ну мне – понятно, но ей-то за что? В доме, там, где мы жили, однажды началось... каждую ночь подъезжал воронок, и раздавался стук в одну из дверей дома. Каждую ночь. И мы стали ждать, когда придут за Давидом. Тамарочка была с нами. Как Давид хотел защитить ее! Но он знал, понимал, насколько беспомощен, и выходило так, что часто сам искал утешения у нее. После бессонных ночей, измученный и опустошенный, он клал голову ей на колени. И она гладила его по голове, и говорила о том, как она счастлива разделить с ним любую судьбу, как она его любит, и что все обязательно будет хорошо. Она разговаривала с ним, но утешала меня.

А мы готовились к худшему. Мы с Давидом цепенели и ждали, а я жила в пятках. Иногда выглядывала оттуда, но не могла подняться выше живота. Бесконечные месяцы мы прислушивались: за кем придут на этот раз? Приходили обычно с четырех до пяти утра. И Давид потерял сон, и этот его страх вытеснил меня туда, где мне хуже всего, – в пятки. А со мной так нельзя. Когда мне плохо, то человеку еще хуже.

Один мыслитель в 1937-м году сочинил басню про двух лягушек, упавших в кувшин со сметаной. Одна лягушка сдалась и утонула, а вторая прыгала до тех пор, пока не взбила масло. И тогда выбралась из ловушки. Я не могу понять, почему люди восхищаются этой басней? Разве лягушка действительно сделала что-то выдающееся? Она спасала свою жизнь единственным доступным ей способом.

Я сочинила продолжение этой басни. Она о том, что у невежества так много уловок, что они практически не оставляют человеку шансов.

Однажды жила очень умная лягушка. Она прочла много книг и считалась самой мудрой из всех себе подобных. Ее любимой басней была та, где героиня, попавшая в беду, была преисполнена энтузиазма, сбила сметану в масло и сумела выбраться из ловушки, в которую угодила. Лягушка была очень довольна тем, что умела читать, и всерьез полагала, что знает, как выбраться из любой беды: главное – никогда не сдаваться. Так случилось, что вскоре она попала точно в такую же ситуацию. Она даже рассмеялась от радости, что, когда выберется, сможет рассказать другим лягушкам о своем приключении. «С каким восторгом они будут на меня смотреть!» – думала она. Преисполнившись энтузиазма, она принялась сбивать сметану в масло. Она не сдавалась. Прыгала и прыгала, прыгала и прыгала, без конца и без края, пока силы ее не иссякли. В конце концов она утонула, так и не взбив сметану в масло. Подозрительный цвет и отвратительный запах несколько ее не смущали. Все потому, что она никогда не видела сметаны.

Так и люди. Разные люди попадают в разные ситуации, и каждый делает лишь то, на что способен. Просто разные люди способны на разное. Но в этом чаще всего нет ничего героического.

Это другие уже потом наделяют события смыслами, которых, возможно, и не было. Только сам герой знает, что он испытал, и какими словами это описать.

Если бы ты знал, как я завидовала вам, молодым, тем, кто отважился бежать! Давид ведь слишком часто держал меня в пятках. Только на сцене я и могла почувствовать себя по-настоящему свободной!

За Давидом так и не пришли. Но он навсегда был сломлен тем изматывающим страхом, который испытал в то время...

А потом снова большая война. Опять миллионы, десятки миллионов жертв. Все расписано, посчитано, люди маршируют.

Но сначала было слово. В словах заключены знания и мудрость. С помощью слов люди могут понимать друг друга, помогать друг другу, работать вместе. А что человек? Он научился даже убивать словом. И словом своим погубил собственную душу. Человек слаб. Но если бы только это... Он еще и жесток. Знаешь, дорогой, будь моя воля, я бы запретила тем, кто посвятил себя искусству, тем, кто сочиняет музыку или исполняет ее, высказывать свои мысли о том, как, на их взгляд, следует поступать с другими людьми. Пусть лучше пишут картины, стихи сочиняют, в шахматы играют, занимаются музыкой. Я все думаю о том, какая судьба постигла бы музыку Вагнера, если бы он не считал себя мыслителем. Если бы не высказывал своих чудовищных идей. Какую музыку тогда нацисты выбрали бы для вдохновения?

Но вот он высказался, и рука его последователя и поклонника вывела сначала на бумаге, а потом и в жизни простое и страшное уравнение для моего народа. Весь мой народ – повинен смерти. Не отдельный человек за свое преступление, а каждый человек, просто потому, что в этом уравнении он подлежит абсолютному уничтожению. И звезды Давидовы стали загораться в лагерях смерти. И возвращаться домой. На небо.

Есть люди, которые говорят, мол, что вы носитесь с идеей, будто война только для вас стала трагедией? Других тоже убивали. Погибли десятки миллионов людей разных национальностей. Но ведь это все равно что подойти к человеку, у которого умерла мать, и сказать ему:

– Что ты плачешь, что вспоминаешь ее? У других тоже матери умерли. И ничего, не вспоминают и не плачут ведь.

Лучше бы молчали.

Во время войны Давид много работал, мы ездили с концертами по стране, выступали перед измученными людьми, которые трудились и в зной, и в лютый холод, для того чтобы обеспечить фронт всем необходимым для победы. Мы играли в госпиталях и в блокадном Ленинграде. Разве мог мой Давид прятаться где-нибудь в эвакуации, разве мог не играть музыку для этих людей? Ведь музыка исцеляет, внушает надежду, придает сил даже тем, кто смертельно устал.

В 42-м Давид вытянул счастливый партбилет. Счастливым он был потому, что отказаться было нельзя. А когда закончилась война, вот это было самое настоящее счастье.

Знаешь, а ведь я отлично помню нашу первую с тобой встречу! Давид не помнит! А я – да! Давид сделал свое дело – отыграл концерт, откланялся публике и пошел за кулисы. Признаюсь, я была счастлива. Мы с ним играли, и я наслаждалась его виртуозным и моим прочувствованным исполнением! Все-таки в том, чтобы быть его душой, были свои плюсы... И в концертном зале я увидела тебя. И знаешь, я была эгоистично рада слышать, как ты – пятилетний – безутешно рыдаешь! Ты хотел, чтобы музыка, которая прекратилась, продолжалась! Это значит, что в Одессе еще рождаются талантливые музыкальные дети! Мне хотелось обнять тебя и уговорить перестать плакать, я даже крикнула тебе, что мы увидимся еще много раз. А ты, разумеется, меня не слышал. Ты предпочитал рыдать! Но ведь это же были самые сладкие слезы твоей жизни. *(Все это она говорит с улыбкой.)*

А потом мы снова встретились. Я ведь обещала! Самоуверенный, самодовольный, нахальный «малютка», ты отыграл передо мной без запинки все положенные ноты до одной «сцен из балета» Берио. Таким и должен быть талантливый еврейский ребенок – лишенным всяческого страха. Правда, в твоём исполнении не было не только чувства страха, но и любого другого чувства. Да и откуда же ему взяться у десятилетнего вундеркинда? И все же Давид заставил тебя задуматься над тем, что в музыке

главное не ноты, а тот внутренний рассказ, твой и только твой, который наполняет их смыслом и делает их живыми.

А потом ты снова вырос. Самоуверенный, азартный и увлеченный шахматами, ты заставил ждать меня и самого Давида Ойстраха! Не прошло и десяти лет, как ты забыл свои горькие слезы, которые лил в нашу первую встречу, и профессору пришлось притащить тебя за шиворот и пожаловаться, что скрипке ты предпочитаешь шахматы! Вот тут Давид наконец-то и обратил на тебя внимание! Это ведь большая радость – обнаружить среди талантливых молодых коллег достойного соперника в шахматах! Кстати, скажу по секрету, иногда я поддавалась тебе! Давид – нет! А я – да! Я поддавалась! Давид даже не догадывался! *(Улыбается.)*

Когда он играл в шахматы или исполнял музыку, то забывал обо всех унижениях. В эти моменты он побеждал всех царей и королей.

В тебе Давид видел себя. Только смелого. Помнишь, Давид пригласил тебя в гости на Масленицу? Тамарочка жарила вкуснейшие блины. А мой Давид, как Микеланджело, отсекал от этих кругов, этих Солнц и Лун, все лишнее, пока не оставалась только звезда Давида. И он был счастлив тогда, и сказал: «Вот это моя звезда!». Он доверил тебе свою тайну. Но понял ли ты тогда?

Я слово в слово помню, как Давид сказал тебе, когда узнал, что ты уезжаешь:

– Знаешь, я всегда, восхищаюсь смелостью таких людей, ведь многие из вас становятся жертвами и заложниками этого режима! Я, несмотря на все свои заслуги и регалии, остаюсь маленьким провинциальным евреем и смертельно боюсь их!

Знаешь, мой дорогой, мы ведь вместе с тобой были на Небе! Когда я покинула тело моего Давида, ты был в самолете. Вам сообщили по радио о его смерти. Я приходила попрощаться с тобой. Мне нужно было твое присутствие, твое сочувствие. Ведь я больше всего остального мира переживала эту потерю!

По иронии судьбы, Давид умер в Амстердаме, вне клетки. И если честно, это был единственный возможный для него вариант бегства, переезда, эмиграции. Так он бы точно знал, что своим решением никому не причинил вреда. Никого: ни друзей,

ни родных, ни учеников, никого не смогли бы допрашивать, никем не смогли бы его шантажировать те, кого он безумно боялся.

Ах, как я тоскую по нему! Так же, как он тосковал по своему концертному фраку. Только в нем он и мог почувствовать себя по-настоящему свободным. На сцене. Но я не могу позвать моего Давида и надеть наш фрак. Потому что Давида больше нет. Из нас двоих осталась только я.

Но я должна сказать тебе, что мы с ним все-таки были счастливы! Я была у него, он был у меня. И у нас с ним была скрипка. Мы всегда играли вместе. Давид был влюблен в прекрасную женщину и любим ею, у него родился сын, и сын стал его учеником и самым лучшим другом. У него были ученики и поклонники, у него была мировая слава. А у меня был Давид. Он дал мне возможность исполнить свои надежды. Получать и наслаждаться я могу и без тела, но отдавать я способна, только воплотившись в человеке. И Давид для меня был лучшим человеком. Скромным и влюбленным в музыку. Только одна я знаю, что Б-г отправил Давида в эту безб-жную страну, чтобы он являл чудо музыки простым людям и смягчал их сердца. Потому что никто не может запретить Б-гу войти туда, куда Он пожелает. Потому что стать непобедимым, когда за тобой стоит сам Г-сподь, смог бы кто угодно. А служить Г-споду музыкой, не слыша Его голоса, не чувствуя Его защиты, страшно. Но мы с Давидом выполнили свое предназначение. В этот раз не пастух играл для царя, а царь играл для простых людей. А судьба... она предначертана звездой, под которой человек родился... Может быть, ему в чем-то и не хватило смелости, но он никому не причинил зла. Ему часто бывало темно и страшно, но он оставался светлым. И, конечно, он всегда оставался маленьким еврейским мальчиком из Одессы.

Возможно, Зорик заводит пластинку... Душа останавливает пластинку.

– Знаешь, милый мой, наверное, я пришла к тебе в последний раз. Я не знаю, как сказать, но я должна... Я так люблю Давида... И я всегда буду его помнить. Но я должна наконец тебе это сказать. Мне больше некому это сказать. Я знаю, что ты меня поймешь. Ты не осудишь меня. Я так больше не могу! Мне нужен человек. Мне нужны его руки. Я хочу играть на скрипке! Чего бы

мне это ни стоило. Мне страшно, но я готова начать все сначала. Я буду счастлива разделить с ним любую судьбу. И, знаешь, я думаю, ты мог бы помочь мне. Ты моя последняя надежда. Ты же знаешь, что кадиш может изменить к лучшему решение Г-спода. Я все думаю, вот если бы кто-нибудь исполнил кадиш для меня, может быть, эта моя потеря смогла бы быть восполнена? Может, мне бы позволили еще раз...

Если мне будет позволено... Если будет на то воля Б-жья... пусть это будет Давид третий.

Уходит со сцены.

Зорик некоторое время сидит неподвижно. Когда Душа уходит со сцены, он поворачивает голову в ту сторону, где была Душа, и начинает играть кадиш.

